

Есенин внутри тебя

Труднее всего писать о себе самом. Бывало, автобиографию в личное дело вымучиваешь как главное творение жизни, шедевр. Что бы ни сообщил о себе: был там-то, делал то-то — главное останется несказанным: каков ты есть, что было на самом деле. Об этом нельзя сказать почему-то. Человек есть тайна, словами не высказываемая. Слова суть знаки чего-то глубоко скрытого, потаенного — кода человеческой сущности.

Тайна обыкновенного человека пребывает в его прижизненной оболочке, затем исчезает в небытии. Словесные знаки, оставленные по себе носителем Божьего дара, служат множеству живущих после него ключом к шифру собственной тайны, то есть находят отклик в душе (при наличии оной).

Почитай, каждый русский человек знает (есть и исключения, нынче немалые), что "звезда с звездой говорит". Проходили Лермонтова, кто в школе, кто в свободное от работы время, кто по науке. Но о чем говорят друг с дружкой звезды на небе? Никто не ответит. Только поэзией постижима бездна; слова поэта запали в душу, возвысили тебя до таинства мироздания.

Каждая нация обладает собственным языком; в языке ее сохранность, преемственность, первородство. Пушкин научил наших предков говорить по-русски с пленительной музыкальностью, с обертонами в звучании фраз. "Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя; то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя". Что это — картина, состояние души или запечатленные аккорды небесного органа?

Невозможно себе представить нас, русских, если бы мы не поверяли нашу родную речь по этому камертону, прожили бы свой век (тысячелетие) без "Слова о полку Игореве", без Пушкина, Лермонтова... То есть теперь-то мы вволю наслушались "новых русских" — без камертона, будь то обозреватели, комментаторы, предприниматели, публичные сквернословы или уличные громылы. Их русский язык уподобился бульканью унитаза. Слова какбудто те же, что изрекали и наши предки, но изменился предмет разговора. Речь идет о материальном богатстве, а язык стал бедным, как вырубленный лес, из него вымывается золотой запас поэтических представлений о смысле жизни, ибо выносятся за скобки сам смысл. Великий, могучий и проч. язык низводится до обиходного жаргона.

Между тем без русского языка, вложенного в уста народа Господом Богом, выработанного в тысячелетней истории, отекающего поэтическими гениями, мы перестанем быть... ну да, великой нацией. Нас не услышат другие народы. До сей поры Россию знают в мире по ее литературе, в постижении языка ищут ключ к тайне русской души. А иначе не интересно: заключать сделки сподручнее по-английски или как-то еще...

Все сказанное имеет прямое отношение к тому главному предмету, ради коего ваш покорный слуга взял в руки перо — столетию Сергея Есенина. О поэте нынче много пишут, перебирают заново его жизненный путь... Конечно, интересно прочесть о том, как крестьянский парнишка облачился в цилиндр, лакированные штiblеты, куролесил по Европе и Америке,

выбирал себе экстравагантных подруг, повесился в питерской гостинице "Англетер". Или его повесили?.. Но, не в обиду будет сказано есениноведам, дело не в этом. Есенин не только в фактах его биографии, но и в тебе самом: или есть, или нет. Можно задаться вопросом: каково бы мне было, если бы я не знал, что... "Жизнь моя, иль ты приснилась мне? Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне". Каково осилить собственный жизненный путь без есенинского розового коня в подмогу?

"Ты жива еще, моя старушка? Жив и я. Привет тебе, привет! Пусть струится над твоей избушкой тот вечерний несказанный свет". Не высказал собственной матушке любви к ней, печали о ней, покуда она была жива, закручинился... И вдруг вспомнил Есенина: поэт сказал за тебя, за всех нас, горемычных...

"Клен ты мой опавший, клен заледенелый, что стоишь, нагнувшись под метелью белой?" Стих Есенина о клене сделался у нас песней-плачем о нас самих. А как же? Кто же нас еще оплачет? В слезах по самим себе есть сладость самопоения и очищение от скверны. А какова музыка слов!

"Пока ж — идет метель, и тысячей дьячков поет она плакидой — сволочь-вьюга. И снег ложится вроде пяточков, и нет за гробом ни жены, ни друга". Вглядишься в эту картину, то есть в ландшафт собственной души — и притихни, не возносишь!

Каким бы я был без Есенина? Наверное, не хуже, не лучше, но был бы подслеповатым и безъязыким. Есенин научил меня видеть себя самого, говорить по-русски.

Нынче весной меня пригласили в Англию повстречаться с тамошними любителями российской словесности. Отправляясь в дорогу, думал, что с собой взять. Взял томик Пушкина, томик Есенина, из наших современных — книгу стихов Горбовского. Чувствовал себя спокойно, уверенно, как если бы у меня в бумажнике была толстая пачка "зеленых". Каковых не было и в помине...

Вспоминается один вечер (то есть помню все вечера, но скажу об одном) в маленьком городке Монтгомери, на границе Средней Англии с Уэльсом, в доме мистера Джона Гордона Коутса, профессора Кембриджа, специалиста по коми-зырянской литературе. Гостем мистера Коутса был мистер Саймон Мид, местный фермер, владелец овечьих пастбищ; пра-пра-прабабушкой Саймона Мида была дочь Семена Воронцова, русского посла в Лондоне екатерининской эпохи. На стенах в доме Саймона Мида русские гравюры XVIII века, в его библиотеке архив рода князей Воронцовых — двадцать четыре толстенных тома, на русском и французском языках... Роль хозяйки в доме Джона Коутса исполняла Францис — серьезная милая девушка, аспирантка Кембриджа, избравшая своим предметом якутскую литературу.

Горел камин — не газовый, декоративный, как в больших городах Англии, а с живым огнем, рдеющим угольями.

Разумеется, мы прихлебывали виски. Я читал англичанам стихи Сергея Есенина: "Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым. Увяданья золотом охваченный, я не буду больше молодым..." По лицам англичан было видно, что музыка есенинского стиха нашла, затронула в их душах те самые струны...

Господи, какое счастье, что у нас есть Есенин! Каково бы нам без него?!